

Набилкина Лариса Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории, практики
и методики преподавания английского языка
Арзамасского филиала
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского

ЕВРОПА В ТРАВЕЛОГАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация:

В статье рассматривается восприятие Европы русскими писателями в жанре путевых очерков. Анализу подвергаются травелоги В. Боткина, М. Салтыков-Щедрин, И. Эренбурга. Делается вывод о том, что травелог открывает «чужую страну», познавая при этом свою собственную, и играет важнейшую роль в диалоге культур.

Ключевые слова:

травелог, диалог культур, субъективизм, самоидентификация, проблема «свое-чужое».

Nabilkina Larisa Nikolayevna

PhD in Philology,
Assistant Professor,
Head of the Theory, Practice
and Techniques of Teaching English Chair,
Arzamas branch of
the Nizhny Novgorod State University

EUROPE IN TRAVELOGUES BY THE RUSSIAN WRITERS

Summary:

The article discusses the impression of Europe given by the Russian writers in the genre of travelling notes. The travelogues created by V. Botkin, M. Saltykov-Shchedrin, I. Ehrenburg are under analysis. The author comes to the conclusion that the travelogue shows a strange country simultaneously learning a native one. Thus, it plays an important role in the cross-cultural dialogue.

Keywords:

travelogue, cross-cultural dialogue, subjective point of view, self-identity, "us – them" problem.

«Путешествие» – одна из древнейших форм литературы и культуры, самопознания человека и человечества. Первым образцом «путешествия» можно считать «Одиссею» великого Гомера. От него пошли все остальные виды путевого очерка, создающие эффект присутствия: художественно-документальные и беллетризированные путевые очерки, письма, эссе, путевые заметки и т.д.

Постепенно в «путешествии» оформляется концепция национальной самобытности, концепция патриотизма. Сравнивая «чужое» и «свое», чужбину и родную сторону, путешественник учится выделять общее и особенное, лучшее и худшее в своей и чужой стране, в своем и ином народе. Постепенно из путевых очерков вырастает травелог – особая форма путевых очерков с характерным для нее героем-рассказчиком, окрашенная «чувствами». Субъективизм и объективизм, присущие травелогу, заставляют читателя по-новому взглянуть на картину мира, сравнить свою жизнь с жизнью иных стран, лучше и полнее понять «свое».

Травелоги XIX в. в России носили преимущественно описательный характер. Они часто печатались в «Отечественных записках». В 1849 г. был опубликован травелог известного географа А.П. Забловского-Десятковского «Воспоминания об Англии». В то время Великобритания была объектом подражания для России, как и Франция до нашествия Наполеона, когда молодые люди из дворянских семей боготворили молодого генерала Бонапарта и радовались его победам. Но очевидцы иначе воспринимали Англию. Вот что писал о ней товарищ по плаванию Гончарова будущий адмирал К.Н. Посет в «Письме с кругосветного путешествия», напечатанном также в «Отечественных записках»: «Счастливая Англия благоденствует только по наружности. Противоречия между верхними и нижними слоями населения доведены в ней до крайности, при процветании верхнего слоя, нижние слои и большая часть средних тощи, бледножелты, нечесаны и грязны» [1, с. 85]. Возможно на эти наблюдения наложились Крымская война, в которой Англия выступила против России, но они не расходятся с оценкой Карамзина и Гончарова.

История русского травелога была бы неполной без имени В.П. Боткина. Незаслуженно забытая в наше время книга эпистолярных очерков «Письма об Испании» в середине XIX в. являлась литературным бестселлером. Именно она, по мнению академика М.П. Алексева, послужила поэтическим образцом И.А. Гончарову при создании «Фрегата «Паллада». «Блистательной» назвал травелог Боткина Чернышевский. Высоко отзывался о нем и В.Г. Белинский. Подлинно художественный травелог отличается от заурядного путевого очерка поэтическим совершенством, меткостью наблюдений и оценок, ломкой привычных стереотипов, глубиной лирических отступлений.

Травелог Боткина примечателен не только географическими наблюдениями, но и острой замечаний общественно-политического характера, верностью зарисовок национальных

черт испанского народа. Русский писатель отстаивает национальное достоинство испанцев, опровергает расхожее мнение европейцев об Испании как отсталой стране с невежественным населением, погрязшем в предрассудках и суевериях.

По мнению М.П. Алексеева, которое мы полностью разделяем, «Письма об Испании» на фоне довольно обширной литературы об этой стране выделяются не только своей содержательностью, но и прежде всего новизной и содержательностью суждений, отсутствием трафаретов, свежестью восприятия, верой в творческие и нравственные силы испанского народа, глубоким пониманием испанской культуры. Именно такой подход формирует травелог в его лучших традициях, создавая поэтический и культурологический фундамент, на котором он успешно развивался в творчестве последующих поколений русских художников слова.

Эпистолярную форму для путевых эссе выбрал и М.Е. Салтыков-Щедрин. К жанру путевого очерка великий русский сатирик обращается дважды – в 1878 г. в период поездки за границу на лечение и в 1881–1882 гг., рассказывая вновь о своих зарубежных впечатлениях. Очерк «За рубежом» (1875) трудно в полной мере назвать травелогом, ибо информация о пребывании на зарубежных курортах весьма скудна. Но этот очерк чрезвычайно интересен своим опытом познания «своего» через «чужое». М.Е. Салтыкова-Щедрина гораздо больше интересует Россия, чем зарубежные впечатления. Сравнивая Европу с Россией, писатель глубже постигает неповторимость и «самость», своеобразие и исключительность своей страны. На фоне «правильной» Германии отчетливо выступают сугубо русские национальные черты. Эти черты до предела узнаваемы и сегодня. Чего только стоят наблюдения сатирика над природой русского недовольства: «Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой, что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует; другой – на то, что власть чересчур достаточно действует. <...> Даже расхитители казенного имущества – и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет. И каждый требует лично для себя конституции: мне, говорит, подай конституцию, а прочие пусть по-прежнему довольствуются ранами и скорпионами» [2, с. 17].

Конечно, будучи за границей, Салтыков-Щедрин наслаждался свободой, немислимой в царской России: «Ужасно приятно прожить хоть несколько времени не боясь. Необходимость “ходить в струне”, памятовать, что “выше лба уши не растут” и, что с “суконым рылом” нельзя соваться в “калашный” ряд, – это такая жесткая необходимость, то только любовь к родине, доходящая до ностальгии, может примириться с подобным бесчеловечием» [3]. Чувства сатирика были созвучны настроениям всего мыслящего русского общества, поэтому публикация очерков помогла еще раз взглянуть на себя со стороны и осознать свое униженное положение. Но понимание своего унижения не должно превращаться в самоедство, в унижение себя как нации, как народа, не должно превращаться в смакование своих грехов и бед. Салтыков-Щедрин справедливо подметил, что негативный образ России в глазах Запада создавался во многом самими русскими, которые здоровую критику своих недостатков превращали в мазохистское злопыхательство. «Словом сказать, сыны России не только не сдержали себя, но шли друг другу наперебой, как бы опасаясь, чтобы кто-нибудь не успел напаскудить прежде. <...> Само собой разумеется, что западные люди, выслушивая эти рассказы, выводили не особенно лестные для России заключения», – пишет он [4].

Сатирический образ России, сложившийся в глазах Запада, заставляет задуматься над его содержанием: «Страна эта, говорили они, бедная, населенная лапотниками и мякинниками. Когда-то торговала она с Византией шкурами, воском и медом, но ныне, когда шкуры спущены, а воск и мед за недоимки пошли, торговать стало нечем. Поэтому нет у нее ни баланса, ни монетной единицы, а остались только желтенькие бумажки, да и те имеют свойство вызывать веселость местных культурных людей» [5]. Эти слова зримо напомнили нам Россию 1990-х гг., которая не слишком изменилась за 150 лет с тех пор, как о ней писал М.Е. Салтыков-Щедрин.

Среди русских травелогов также выделяются произведения А. Куприна, И. Ильфа и Е. Петрова, И. Эренбурга, В. Катаева, В. Некрасова.

Травелог И. Эренбурга отличаются изысканностью и всемирным охватом. Они затрагивают практически все темы. Писатель отличается большим вкусом и эрудицией. Он практически единственный из советских писателей, которому было позволено бывать за границей, не вызывая подозрений. В то время, в которое творил Эренбург – это было не просто. Испания, Бельгия, Германия, Англия и, конечно же, любимая им Франция – становились темой его травелогов. Но, рассказывая об этих странах, писатель подпускал саркастические ноты в свои рассказы. Наверное, без сарказма, иронии, да и просто насмешки было невозможно обойтись. Подобная манера письма была гарантом благонадежности в то непростое время, особенно в период борьбы с «низкопоклонством перед Западом и безродными космополитами», к которым относился и сам Эренбург.

Возьмем, к примеру, его английские зарисовки под заголовком «Город-притча». За этим поэтическим названием действительно скрывается притча – притча о Лондоне. Как и во всякой

притче, здесь есть и поучительное начало: «Не верьте глазам своим». Не верьте английским джентльменам, за благопристойным видом которых скрывается ханжество и лицемерие. Не верьте английским клубам, за внешней благопристойностью которых скрывается лишь чудовищный храп их членов. Не верьте богатым витринам магазинов, ибо их товары предназначены только богатым американцам. Не верьте изумрудно-зеленым газонам Гайд-парка, ибо по ним можно шагать только избранным. Не верьте и самому Лондону, ибо за его блестящим фасадом скрывается боль и нищета приезжих иммигрантов, да и самих простых англичан.

Эренбург был бы забыт в наши дни, если бы его репортажи состояли из одних только едких замечаний. В травелогах замечательного писателя и публициста скрывается живая Англия, живой Лондон. Вот пестрая толпа выходит из театров на Пикадилли-Серкус. Вот перед нами Бонд-стрит с магазинами, полными качественными товарами от шотландских тканей до шикарных мехов. Вот табачный магазин «Абдулла» с благоухающими сигарами. И пусть по правилам того времени говорится, что это все товары для толстосумов-американцев, читающий между строк понимает, что если такие товары есть в продаже, причем в неограниченном количестве, значит жизнь налаживается, и недалек тот час, когда это изобилие будет доступно если не всем, то многим.

«Англичанин любит отъединение. На улице он тщательно избегает задеть локтем встречного. В автобусе или в вагоне его место должно быть отделено от соседнего. Прикосновение чужого тела для него мучительно. Он живет в отдельном коттедже, предпочитая дрянной домик на окраине Лондона прекрасной квартире со всеми удобствами в большом многоэтажном доме. Он знает только своих друзей, остальные люди для него, прежде всего, неинтересны: он вежлив и равнодушен», – рассказывает Эренбург [6, с. 553]. Но, читающий между строк советский человек выуживает информацию отовсюду. Он понимает, что на английских улицах нет давки, нет давки и в вагонах метро или трамвая: у каждого есть свое место. Советский человек узнает, что англичанин предпочитает жить в собственном доме, а не в коммуналке и даже не в квартире рядом с соседями. Таким образом, он видит, что жильем англичанин обеспечен куда лучше, чем «строитель социализма». Подобная подача информации была характерна для той эпохи, эпохи всеобщего дефицита, даже информационного, когда люди руководствовались лишь директивными указаниями центральных газет и подобные «окна в мир» давали им единственную, пусть и завуалированную возможность узнать больше об окружающей действительности.

По мере усиления сталинской цензуры его травелоги все более политизируются. В них становится все меньше конкретики зарубежной жизни и все больше политических размышлений. Если взять его очерк «Новый Париж» (1926), то там еще можно прочитать о старом и новом Париже, Париже, подвергнутом коренной реконструкции. Другое дело его очерк «1950», рассказывающий о том, как писателю отказали во французской визе – это сплошное обличение американизма и продавшей Америке Франции.

Эренбург был сыном своего времени, и он прекрасно понимал всю конъюнктурность своих путевых очерков. И все-таки писатель делал все возможное, чтобы донести до читателя живое слово. Практически в каждом очерке мы читаем добрые слова о народе той страны, которой посвящены его заметки. Несмотря на всю политическую шелуху, они остаются интересными и познавательными. Особняком стоят его зарисовки об Америке. В них Эренбург описывает Соединенные Штаты ярко и образно.

Таким образом, мы видим, что травелог, особенно русский, не только создает культурологическую основу города, рассказывает об особенностях его архитектуры, истории, нравах и обычаях его жителей, но и является культурологической основой страны и ее народа. Травелог, включающий лирические отступления самого разного характера, создает портрет самого автора, его нравственного мира и его философско-политических воззрений. Травелог рисует картину не только окружающего мира, но и картину мира собственного, отражая не только мир вокруг себя, но и себя внутри этого мира; несет важную информационно-познавательную функцию, открывая «чужую» страну, и в то же время рассказывая о своей собственной. Травелог играет важнейшую роль в «диалоге культур», в понимании народами друг друга, в разрушении негативных стереотипов и «образа врага», когда реализуется формула «Увидеть – значит понять. Понять – значит простить».

Ссылки:

1. Посет К.Н. Письма с кругосветного путешествия // Отечественные записки. 1855.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 9. М., 1951.
3. Там же. С. 41.
4. Там же. С. 73.
5. Там же. С. 74.
6. Эренбург И. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 5. М., 1954.

References:

1. Poset, KN 1855, 'Letters from the world tour', *Notes of the Fatherland*.
2. Saltykov-Shchedrin, ME 1951, *Works in 10 vols.*, 9th vol., Moscow.
3. Saltykov-Shchedrin, ME 1951, *Works in 10 vols.*, 9th vol., Moscow, p. 41.
4. Saltykov-Shchedrin, ME 1951, *Works in 10 vols.*, 9th vol., Moscow, p. 73.
5. Saltykov-Shchedrin, ME 1951, *Works in 10 vols.*, 9th vol., Moscow, p. 74.
6. Ehrenburg, I 1954, *Works in 5 vols.*, 5th vol., Moscow.